

ПРОТИВ ЧЕРНОЙ ЛЕГЕНДЫ: краткий очерк деятельности КОЛЛО д'ЭРБУА

Перевод с французского О.Осиповой и Э.Пашковского

статьи **Клодин Кавалье**

(без названия; помещена на сайте Филиппа Руайе <http://www.royet.org/nea1789-1794/notes/acteurs/collot.htm>)

От переводчиков

Статья представляет собой, по-видимому, реферат монографии Мишеля Бярда (Michel Biard, «Collot d'Herbois : legendes noires et Revolution», Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 1995). Примечания К.Кавалье отмечены арабскими цифрами и даны после текста. Наши дополнения и комментарии (обозначены *) подобраны из нескольких источников: биографии Колло, составленной А.Бежи, библиографической заметки Ги Лемаршана о переиздании «Альманаха отца Жерара», книги Ж.-П.Тома «Бертран Барер: голос Революции», монографии Мориса Славина «Эбертисты под ножом гильотины», французских справочных изданий в Интернете. Библиография составлена по материалам сайта Национальной библиотеки Франции. Данный материал является собственностью переводчиков и редакторов *Vive Liberta* и не может быть воспроизведен полностью или частично без их письменного разрешения. © 2007

Среди великих деятелей Революции Жан-Мари Колло д'Эрбуа долгое время был одним из тех, кому история сослужила худшую службу.

Без сомнения, его во многом можно было упрекнуть. Он не только раздавил репрессиями Лион и организовал знаменитые расстрелы на полях Бротто, одно из мрачайших воспоминаний террора, но и последовательно изменил всем: жирондистам в I году, эбертистам во фримере II года, чтобы закончить робеспьеристами 9 термидора? К этим неблагоприятным действиям, которые считаются реальными и которые всегда можно проверить, объяснить, даже оспорить или оправдать, присоединяются преувеличенные штрихи одной из наиболее тяжелых черных легенд, созданных этим периодом. Актер, Колло предстает смешным комедиантом, патетическим неудачником, чьи террористические эксцессы в Лионе были только смехотворной и кровавой мстостью публике, которая его освистала во времена королей. Якобинец, член Конвента и Комитета общественного спасения, он переносит свои недостатки актера с подмостков на трибуну: он был из наихудших ораторов эпохи, смешивая политику и спектакль, выкрикивая и путая свои роли. Наконец, террорист, он непременно был пьяницей и развратником, согласно привычным шаблонным термидорианским описаниям «человека крови». Любопытно, что Колло в течение долгого времени почти не соблазнял историков. В значительной мере он вдохновил кое-какую псевдоисторическую литературу, враждебную Революции, но не более. Мишле извлек из этого один из своих, как всегда, гениальных портретов и воссозданий, но не пытался ни углубить персонажа, ни даже выявить основные черты его действий: «Колло – это было опьянение даже натошак, гром и молния, настоящие или поддельные смех и слезы, оргия на трибуне. Этот *влиятельный балагур* клубов, самый неистовый из чувствительных мужчин, пугал даже своих друзей». Здесь все атрибуты черной легенды, замечательно скомпанованные, но где история? Жорес оказал не лучшую услугу Колло, банально приписав его насилия в Лионе смешению сцены и реальности: он увидел в нем лишь «короля из театра, чья роль вдруг перешла в жизнь», не уделив внимания революционному экстремисту, суровому демократу, защитнику бедных, который, однако, заслуживал бы привлечь взгляд социалистического историка. До конца XX века ни одна биография не посвящалась нашему персонажу... Верно: Колло не облегчал задачи тем, кто пожелал бы им заинтересоваться. Актер до Революции, он принадлежал к «миру теней», к ненадежному племени номадов. Непрозрачность черной легенды, почти целиком скрывавшей его фигуру, тоже способна была обескуражить. К счастью, недавние работы Мишеля Бярда, посвятившего Колло докторскую диссертацию, позволили выйти за пределы лакун и легенды. Впредь персонаж может быть воссоздан относительно точно и далеко от каких бы то ни было клише, несмотря на то, что частная жизнь его остается до конца неизвестной. Возникающая тогда фигура не подтверждает зловещую легенду, даже если массовые убийства в Лионе невозможно скрыть.

До Революции Колло был замечен на провинциальных сценах, затем он – автор и директор труппы, вписавшийся в театральный мир, убежденный якобинец, воинствующий активист секции, автор популярного сочинения, имевшего большой успех, близкий к робеспьеристам, а не к эбертистам, он предстает значительным революционером, чья роль отнюдь не ограничивалась печальной памяти лионской миссией. Поворот в термидоре, вне сомнений, связанный больше с конъюнктурой, чем с глубокими идеологическими расхождениями, не помешает ему остаться, когда сменился ветер, верным идеалам II года и заплатить за это жизнью.

I. Д о Р е в о л ю ц и и

Жан-Мари Колло родился 19 июня 1749 г. в Париже; отец его был золотых и серебряных дел мастером, по-видимому, довольно зажиточным. Он получил допуск в корпорацию, но затем, похоже, его положение ухудшилось, и он ее покинул, до того как развелся с женой в 1757 г. и продал все свое имущество. Неизвестно, как прошли детство и молодость Колло, но были они, без сомнений, трудными.*

В восемнадцать лет, как позволяют установить документы, он стал актером и играл в маленькой провинциальной труппе. Мы не знаем причин такого выбора, который ставил его вне всякого социального строя.¹ Он переходил от труппы к труппе, чтобы приобрести некоторую известность в качестве актера под псевдонимом д'Эрбуа, в Бордо, Анже, Марселе, затем, в 80-е годы, - в Лионе. **Современная печать свидетельствует о его успехе и достоинствах его игры, которые привлекли к нему благосклонность высокопоставленных лиц: вопреки легенде, он никогда не был комедиантом, освистываемым публикой, - напротив. Он также адаптировал ряд выдающихся пьес Кальдерона и Шекспира и сочинял собственные. Он добился внушительных успехов, несмотря на финансовые трудности, которые, по-видимому, смягчились за последний год в Лионе, где публика его особенно ценила.**

II. Р е в о л ю ц и о н е р

1. Т е а т р и Р е в о л ю ц и я

Весной 1789 Колло оставил Лион и обосновался в Париже, точнее – в Шайо, где вынужден был жить до февраля 1792 (до того как переехать на улицу Фавар).** По прошествии нескольких месяцев Революция открыла перед ним возможность, которую никогда не давал Старый порядок, - официальное и даже публичное существование: 24 декабря 1789 года актеры стали полноценными и полноправными гражданами; Колло и ему подобные выходили из мира теней.

Не установлено, принимал ли он участие в акции театральные авторы, потребовавших от Ассамблеи отмены привилегий больших трупп и права на интеллектуальную собственность, но он сыграл роль в полемике, которая велась с Комедии Франсез. Все же он сохранил хорошие отношения с Французским театром, поскольку поставил там некоторые свои пьесы, главная из которых – «Крестьянин-судья», вдохновленная Кальдероном, - безнадежно провалилась. Но в основном он работал для театра Пале-Рояль, Варьете, потом – для театра Месье. Здесь можно найти многочисленные его пьесы 1789 и 1790 гг.; «Портфели», «Процесс Сократа», «Старший и младший» встретили достаточно теплый прием, чтобы познакомить столицу с автором. В ноябре 1789 «Чужак, или предрассудок, который надо победить», выдержка из «Евреев» Лессинга. Имел большой успех у публики и в печати. Но Колло понемногу вынужден был отойти от театра, чтобы повернуться лицом к политике.

2. Я к о б и н с к и й а к т и в и с т

A. П о л и т и ч е с к и й д е б ю т

Вероятно, революционная деятельность Колло началась очень рано, в секции Елисейских полей, членом которой он был до весны 1792 (после переезда он стал членом секции Библиотеки). Но утрата архивов этой секции препятствует какой бы то ни было верификации. Самый ранний след активности Колло – присутствие его имени в первом сохранившемся списке членов Якобинского клуба – датирован декабрем 1790 г. Бывший много раз секретарем бюро клуба, он, по-видимому, довольно быстро стал заметным. Известность пришла к нему особым образом, так как один из первых дошедших до нас рассказов о нем касается резкой перепалки с Дантоном по поводу Бонкарера, нового полномочного министра в Льеже. Эбер оставил рассказ, слишком смачный, чтобы его не процитировать.

Мы перевели с языка папаши Дюшена существо дела. Колло, будучи секретарем, вставил в протокол «красивый оборот умильной фразы, дабы изобразить слезы Бон Каррера, которые должны были вызвать у всех жалость». Дантон, которого ничто «не заставит раскопаться», заорал, что «надо иметь душу, зачумленную рабством Старого порядка, чтобы хвалить такого типа или ему подобных». Колло кинулся на трибуну и дал затрещину Дантону, отчего его парик вздыбился, «как султан на каске драгуна»; тот отвечал оплеухой, которая свалила бы с ног слона.²

Вспыльчивый характер Колло, кажется, поразил папашу Дюшена. Но, к счастью, его деятельность не ограничивалась тем, чтобы сражаться на трибуне с Дантоном за детали протоколов. Вскоре он развернул кампанию в защиту солдат, которые очень часто, открыто проявляя враждебность к контрреволюционным офицерам, становились жертвами своего патриотизма. Вначале он защищал солдат Бургундского полка, приговоренных к смерти за неповиновение, но в основном он был (наряду с Робеспьером) главным яacobинским адвокатом швейцарцев полка Шатовье, осужденных на галеры после массовых избиений в Нанси. Он представил обществу несколько докладов, в одном из них утверждая, что «еще более, чем раньше, необходимо давать солдатам яркое доказательство правосудия и защиты. Слишком часто они были лишь жертвами ненависти своих командиров».

В. «Отец Жерар»

В сентябре 1791 г. яacobинцы объявили конкурс, призванный вознаградить автора популярного альманаха, восхваляющего достоинства новой конституции, которую отныне надо было внедрять в жизнь народа. Колло представил труд собственного сочинения и получил премию, обойдя сорок одного конкурента. Двадцать пять луидоров, которые он таким образом заработал, незамедлительно были переведены швейцарцам Шатовье.

Центральная фигура «Альманаха отца Жерара» - бывший бретонский депутат, который приобрел популярность в первые годы Революции. Альманах делился на двенадцать разговоров между отцом Жераром и крестьянами о политике и обществе.³ Этим простым, ясным стилем, не лишенным обаяния, он представлял в виде вопросов и ответов основные политические достижения последних лет, не без того чтобы ввернуть завуалированную критику недостатков нового строя и очень смелые, даже для той эпохи, декларации. Мишель Бярд доказал в своем труде о Колло и в статье,⁴ насколько мало это сочинение, часто расцениваемое как «модерантское», заслуживает такого определения. Вопросы о законности имущественного ценза, критика королевского вето, «задерживающего хороший закон», защита чернокожих («разве есть цвет у добродетелей?») и бесцеремонное наступление на колониальное рабство («некоторые умники говорили Национальному собранию, что политика требует, чтобы в Америке были рабы; эти краснобаи – настоящие демоны с их политикой. Впрочем, думаю я, ораторы, которые горячо отстаивают деспотизм белых, сильно почернели в общественном мнении»), прославление трудящихся («доход от пота, пролитого бедняком, есть священнейшее из всех имуществ; богач нуждается в руках рабочего, а рабочий нуждается лишь в деньгах богача. Природа создала руки более нужными, чем сребреники»), предостережение против офицеров и распространения опасного милитаристского духа во Франции. Во взглядах яacobинца Колло не было ничего пресного и «умеренного», и воинствующий радикальный демократ II года не так уж далек от этого мирного отца Жерара. Роялистские газеты не ошибались, атакуя альманах Колло как красное ядро - «полярную звезду бешеной орды». Многочисленные переводы на местные языки позволяли гражданам не франкоговорящих регионов страны знакомиться с текстом.^{***}

С. «Дело» Шатовье

Коло пытался прирастить свою новую славу политика и выдвинул свою кандидатуру на пост помощника прокурора парижской коммуны. Он потерпел неудачу и отныне посвятил себя защите «своих» каторжников, усиливающуюся по мере наступления на исполнительную власть. Полученный наконец декрет об амнистии швейцарцев Шатовье Колло сам принес и прочитал у яacobинцев, после чего занялся подготовкой праздника, которым следовало почтить несчастные «жертвы деспотизма». В этот момент отмечается его первое сотрудничество с другом Робеспьера, Кутонем, с которым впоследствии он будет очень близок до разрыва в термидоре. 9 апреля Колло представил освобожденных швейцарцев Законодательной ассамблее; против их допуска туда яростно возражали, но Кутон лично его защитил и в конце концов одержал победу после поименной переклички. Колло произнес речь в пользу своих подзащитных, а Кутон поддержал его, потребовав и добившись праздника для них и заставив допустить их к почести парламентского заседания, к великому ужасу своих коллег с «правой» стороны. Скандал был огромный, что не помешало Колло и Кутону тем же вечером у яacobинцев вместе принимать бывших каторжников. Организованный Давидом праздник состоялся 15 апреля. Колло в первых рядах принял в нем участие.^{****}

Д. В республиканской войне

Во время дебатов у якобинцев весной 1792 г. о войне Колло не выступал с определенным мнением. Но язвительные атаки против Лафайета [в оригинальном тексте везде – Fayette] и, главным образом, против будущих жирондистов, апологетов войны, стоили ему того, что воинственная печать связывала его имя с Робеспьером, и, по-видимому, его позиция действительно была близка к позиции Неподкупного.

Он принял активное участие в подготовке 10 августа. Член секции Библиотеки, он был одним из троих редакторов Адреса парижан к армии от имени 39 секций. Адрес этот разоблачал Лафайета и Людовика XVI. 3-го августа Колло входит в число комиссаров 47 секций, требующих от Ассамблеи лишения монарха его прав. 6-го августа он возглавил Генеральную ассамблею парижских секций. Вместо этого, по-видимому, он не принял участие в боях в день восстания. На другой день он вновь оказался на посту председателя своей секции, недавно переименованной в «92-го года». В последующие дни он организовал вооружение пассивных граждан и преследование подозрительных, но довольно быстро уступил место Мари-Жозефу Шенье.

Марат поддержал его кандидатуру, и Колло без препятствий был избран в Конвент. Он стал председателем парижской избирательной ассамблеи (Робеспьер – вице-председателем) и был делегирован в третьем избирательном туре, с 553 голосами (против 10 за Бийо-Варенна). В первых двух голосованиях он получил 27 голосов против Робеспьера (338) и 59 против Дантона (538).

21-го сентября, по легенде, он пришел, потребовав у только что собравшегося Конвента отмену монархии.

3. В Конвенте и Комитете общественного спасения

Деятель 10 августа и избранник от Парижа, Колло находился, разумеется, на скамьях Горы. Часто направляемый в миссии (в Ниццу с ноября 1792 по январь 1793, в Невер и на Луару – весной 1793, на Уазу – в августе и сентябре, в Лион, ставший Городом свободы, - в октябре и ноябре), он, тем не менее, принимал участие в парижских событиях. Верный монтаньяр, близкий к робеспьеристам, он голосовал за смерть короля, ради этого в последний момент возвратившись из первой своей миссии, одобрял падение Жиронды, вместе с Неподкупным принял участие в устранении «бешеных» в июне 1793. Но он был внимателен к народным требованиям и постоянно их поддерживал, и именно он докладывал проект декрета против скупки, ставившийся на голосование в Конвенте 26 июля. 6-го сентября 1793 г. он вошел в Комитет общественного спасения, одновременно с Бийо-Варенном, вслед за днями 4-го и 5-го сентября, в событиях которых, однако, он не принял ничью сторону, будучи тогда в миссии на Уазе. Он ведет переписку с представителями в миссиях, установленными конституцией властями и народными обществами.

В своем новом качестве Колло развил небывалую деятельность. Он сам в своей «Защите», опубликованной в III году, описал, как его работа «предполагала такое положение вещей, что я считал для себя обычным в течение восьми месяцев не обедать дома. Каждый день я наспех ел по соседству с Комитетом. Карно приходилось делать так же, как и Приеру (из Кот д'Ор). Они знают, какова была моя усидчивость, и только Линде мог меня превзойти». Эти слова полностью подтвердили Карно и Линде.

В Конвенте и у якобинцев он не прекращал защищать все время атакуемый Комитет, которому, таким образом, он жертвовал семейную жизнь и театральную карьеру. Верность этому учреждению его настраивала против «снисходительных» и эбертистов, затем против самого Робеспьера; она сохранилась и после Термидора и, когда времена изменились, привела Колло к гибели.

4. Представитель в миссии

Основная часть политической деятельности Колло все-таки разворачивалась не на парижской сцене. Четырежды отправляемый в миссии, восемь месяцев он посвятил роли представителя в провинции.

Первые три миссии связаны были в основном с проблемами военной организации или снабжения столицы. Четвертая, имевшая место, когда он был отправлен в Лион, чтобы применить там террористический декрет 12 октября 1793, - единственная дошла до потомков. Она требует быть представленной до мельчайших деталей, если мы хотим судить о Колло справедливо, так как именно с нее начала складываться основная часть черной легенды.

А. Непосредственный контекст

Лионский мятеж против власти Конвента, хотя часто рассматривается в свете «федералистского» кризиса лета 1793, датирован предшествующим отстранением жирондистов. В ответ на сложные конфликты умеренных буржуа, близких к Ролану, и сторонников либеральной экономики и наиболее активных санкюлотов, лионские рабочие – ткачи, доведенные до тяжелой нищеты кризисом шелковых мануфактур и по старой традиции вовлеченные в мятеж, способствующий их радикализации, - объединились вокруг лидеров якобинцев, настроенных в социальных вопросах более волюнтаристски, чем парижские якобинцы. Конвент отправил в город троих представителей в марте 1793; они поддержали якобинцев и их сторонников-рабочих и выборы муниципалитета санкюлотов, объединившихся вокруг мэра Бертрана и главным образом – председателя окружного суда ультра-революционера Шалье.

«Шальеристы», как их прозвали в истории, организовали правительство общественного спасения, преждевременно собрали рабочую революционную армию, таксировали «капиталистов, богатых собственников и торговцев округа» и приняли драконовские (крутые) меры поддержки бедняков. Буржуазные секции объединились с роялистами, восстали и взяли приступом ратушу, бросив членов муниципалитета в тюрьму; с момента падения Жиронды город набрал армию «умеренных», руководимую общепризнанными роялистами.

Обеспокоенный Конвент отправил нового делегата, Робера Линде, но это не смогло сдержать развитие катастрофы, и 30-го июня власти объявили об отделении Лиона. Ассамблея отреагировала постановлением об их смещении и отправила представителей Альпийской армии для «восстановления законов Республики». Тщетно: смертный приговор Шалье после несправедливого суда, затем – нескольким его сторонникам, совершил непоправимое, и роялисты в итоге захватили ключевые посты в городе, что сделало правдоподобной возможность соединения обоих мятежей, лионского и вандейского. Осада мятежного города началась 14-го августа, но армия Келлермана потерпела неудачу, несмотря на обстрелы и блокаду, которые влекли за собой лишения для населения.

Лион пал только в начале октября, после двух месяцев сопротивления, благодаря овернским представителям Кутону и Менье: они привели достаточное подкрепление, что позволило взять предместье Вэз, и, главным образом, сумели успешно завершить быстрые переговоры с секциями, что позволило открыть город республиканским войскам. С объявления о возвращении Лиона напуганный этим длительным сопротивлением Конвент издал террористический декрет, который предписывал частичное разрушение шелкового города, и заключал: «Лион сражался против свободы, Лиона больше нет». Фраза стала легендарной. После своего дипломатического и военного подвига Кутон и Менье теперь оказались ответственными за репрессии, что им очень не нравилось, в особенности первому: он организовал разоружение подозрительных, учредил две комиссии (из которых одна была предписана самим Конвентом), чтобы начать судить солдат, взятых с оружием в руках, но рекомендуя величайшую осторожность при вынесении решений и запрещая всяческие расхищения; в основном же декрет 12 октября не был опубликован, и разрушения зданий коснулись только местной Бастилии, крепости Пьер Сиз, и укреплений. Фасады площади Белькур, определенно предназначенные декретом быть превращенными в руины, были предметом мер чисто символических. Кутон вскоре был разоблачен в Париже как умеренный и, несмотря на статус члена Комитета общественного спасения и поддержку Робеспьера, не смог удержаться. Он сам попросил освободить его от миссии с 20 октября. Именно в этом контексте Колло был послан в Лион, вместе с Фуше, Альбитом и Лапортом. Он должен был сменить Кутона, который снова отправлялся в Овернь в обществе Менье, и осуществить наказание, предписанное Ассамблеей. Роль была ясна: заставить применить декрет 12-го октября.*****

В. Д о т п р а в л е н и я

Трудно уточнить причины, почему выбор для этой миссии пал на Колло. В тот момент он был близок к Кутону и Робеспьеру, и мы знаем из письма, что Неподкупный самолично его подтолкнул к тому, чтобы *принять решение* Комитета общественного спасения. Почему? Колло на самом деле знал Лион, где жил до Революции. Без сомнения, он, как, впрочем, и Робеспьер, был связан с Шалье или, по крайней мере, с местными якобинцами: мы располагаем свидетельством причастности его к движению лионских петиционеров в январе 1793, которые потребовали смерти Людовика XVI, - движению, организованному Шалье и Центральным клубом. Друга Гайяра, близкого к Шалье, освобожденного в начале октября, он сам представил якобинцам. Между прочим, в июне 1793, когда он поддержал Робеспьера против «бешеных», он разоблачал Леклерка из Оз как врага Шалье, решительно предположив (впрочем, без доказательств) предшествующий жирондистско-роялистский заговор против лионского якобинца. Вот сколько деталей, которые должны были сделать его в глазах Робеспьера особенно ценным для этой миссии.

Колло и сам интересовался Лионом и судьбой его рабочих, которых он не отделял от индустрии, где они заняты. 17-го октября он предостерег от злоупотребления декретом от 12-го, ясно указывая, что он должен поразить прежде всего богачей без ущерба для бедняков. «Сказано – мятежный город должен быть уничтожен, не должно остаться ни следа от него, но в местности, где один терновник и ежевика, что можно дать бедным? В отношении этих коммерческих городов еще сохраняются некоторые предубеждения, которые надо опровергнуть. Есть люди, кто тревожится, что тот или иной исчезнет: он давал жить бедным, говорят они. Человек, имеющий руки и патриотизм, должен ли он ожидать милости от кого-то? Нуждается ли он в чем-то существовании, чтобы поддерживать свое? Бедные обойдутся без богатых, и Лион расцветет, несмотря ни на что».

С. Н а м е с т е Комиссии и убийства

Колло прибыл в Лион через два дня после отъезда Кутона, отозванного по его просьбе из миссии постановлением от 30 октября и тотчас уехавшего. Таким образом, он не встретился со своим предшественником, однако состоял с ним в переписке, как и с Робеспьером. Фуше присоединился к нему четырьмя или пятью днями позже, Альбит – неделю спустя. Лапорт в тот момент оставил город в связи с отпуском в деревне. Практически ответственность за миссию возлагалась главным образом на Колло и Фуше, так как Альбит занялся преимущественно армией и почти не касался внутреннего положения в городе.

Колло был приведен в ужас положением, которое застал, об этом свидетельствуют письма Робеспьеру и Кутону. На следующий день после прибытия Фуше они создали новое учреждение, предназначенное улучшить положение дел: «республиканскую временную наблюдательную комиссию» из 20 членов, распределенных по двум секциям, для того чтобы заставлять исполнять постановления представителей и следить за местными властями. Через три дня была создана третья секция в Фёр. Другая репрессивная структура добавилась несколькими днями позднее: «революционная комиссия» из 5 членов, предназначенная судить подозреваемых. Она была снабжена ужасными инструкциями: «считая, что почти все, кто заполняет тюрьмы этого дистрикта, замышляли уничтожение Республики, массовые убийства патриотов и, следовательно, находятся вне закона, им вынесен смертный приговор <...> Все осужденные будут поставлены лицом к лицу с тем местом, где были убиты патриоты, чтобы там, под огнем молнии, искупить жизнь, давно ставшую преступной».

Этот чрезвычайный трибунал, организованный не для того чтобы расследовать личную ответственность за участие в мятеже, в отличие от комиссии, учрежденной Кутонем, а чтобы убивать без суда большую часть заключенных Лиона, функционировал каждый день с момента своего создания.

В то же время Колло просил откомандировать в Лион, чтобы помогать ему в его действиях, 2000 солдат (из них 600 артиллеристов) парижской революционной армии. Он сам подписал до своего отправления, в Париже, постановление, предписывающее срочное отправление этих революционных войск. Ронсен, «красный генерал», командир парижской армии, лично руководил отрядом, который вошел в Лион 5 фримера.

Результаты этих зловещих постановлений были ужасающи: до декабря 93-го приблизительно 1900 человек были умерщвлены, большая часть без суда, который мог бы называться судом. Коллективные массовые убийства были организованы даже с поручительством Колло или под его непосредственной властью. Вне сомнения, что они планировались, так как циркуляр временной комиссии сообщал о них с 3 фримера. 14 и 15 фримера – 60 лиц, затем две сотни были уничтожены из орудия, заряженного ядрами, и добыты саблями на равнине Бротто. Употребление артиллерии также было предусмотрено комиссией, но нет возможности утверждать, ответственен ли за это Колло. Если он подтверждал, что полностью одобрил массовые убийства без суда, никогда, впрочем, не отрицая этого и позднее, то от ответственности за способ казни он всегда настойчиво отказывался. Вероятно, на вопрос невозможно ответить четко.

Разрушения и уничтожения

Декрет от 12 октября предусматривал разрушение части Лиона – буржуазных кварталов: «Лион будет разрушен: все то, где обитали богачи, будет разрушено. Останутся только дома бедняков, жилища зарезанных и проскрибированных патриотов, здания, специально используемые в промышленности, и памятники, посвященные человечеству и просвещению».

Кутон почти не применил эту часть репрессивной программы. Конечно, он опубликовал постановление против фасадов Белькур и символически поразил их молотком, но, кажется, сильно затормозил использование совсем другой меры. Колло взялся за дело лучше. «Демонтаж шел медленно, - написал он Комитету общественного спасения, - было много таких, кто зарабатывал свои дни и ничего не делал. Демонтаж ускорится минированием, несовершеннолетние начали работать сегодня. Через два дня здания Белькур будут взорваны. Далее я пойду везде, где это средство будет выполнимо для отмеченных зданий». Но вопреки этим громогласным заявлениям, результат не был столь устрашающим, как можно было бы думать. Взрывы использовались только чтобы закончить разрушение укреплений и, в общей сложности, согласно археологическим работам, только двадцать семь домов были разрушены, в основном в рамках плана оздоровления вредных кварталов города.⁵

Снабжение, реквизиции и социальная программа

Все-таки лионская миссия Колло не может сводиться ни к репрессиям и массовым убийствам, как бы ни были они ужасны, ни к демонтажу. Он требовал также организовать снабжение города, представляющее огромную работу: зерно реквизировалось в соседних департаментах и распределялось между городом и армиями. Продовольствие было заказано в Швейцарии, и глобальный дефицит был предотвращен. Армия питалась и одевалась за счет массовых заказов одежды и обуви. Одновременно Колло стремился защищать шелковую промышленность, принимая меры, чтобы избежать разрушения шелковиц и активизировать работу

зерно реквизировалось в соседних департаментах и распределялось между городом и армиями. Продовольствие было заказано в Швейцарии, и глобальный дефицит был предотвращен. Армия питалась и одевалась за счет массовых заказов одежды и обуви. Одновременно Колло стремился защищать шелковую промышленность, принимая меры, чтобы избежать разрушения шелкониц и активизировать работу фабрик. Он дал набросок экономической и социальной программы, благоприятный для народных слоев, как это делала, впрочем, большая часть представителей-монтаньяров (одновременно Кутон действовал подобным образом в Оверни, куда он возвратился, покинув Лион, и вероятно, что очень близкие программы, лионская и овернская, имели отношение одна к другой). Колло защищал необходимость «народных законов», если использовать терминологию самого Робеспьера, благоприятных для мер такого типа. Он ясно уточнял: «Под “народом” мы понимаем зажиточных и не слышим этого класса, предпочитая ему богачей, присвоивших все пользование жизнью и все блага общества».

Последовали конкретные меры: налогообложение богатых, организация рабочих мастерских, обеспечение стариков, инвалидов, сирот.

Д. Возвращение в Париж

Лионские репрессии отзываются эхом в Париже, поскольку Ронсен в письме к кордельерам без щепетильности сообщал о еще более масштабных массовых убийствах: «Вскоре ядра, выпущенные нашими артиллеристами, в один миг освободят нас от более чем 4000 заговорщиков». Письмо было опубликовано в виде афиши и вызвало громкий скандал. Комитет общественного спасения, со своей стороны, предостерег лионских представителей и отчасти не одобрил массовые убийства, написав Колло, что «не следовало никому выносить смертный приговор в случаях, не предусмотренных законом: это право принадлежит не отдельному члену, а целому корпусу народного представительства». Кажется, Колло и Чуже все-таки не были отозваны немедленно.

Но когда лионские просители уехали в Париж, чтобы разоблачить расстрелы, Колло поторопился возвратиться для оправдания. 1-го нивоа, вернувшись в столицу, он представил свой отчет - на следующий день после слушания в Ассамблее лионской петиции; она разоблачала массовые убийства, демонстрируя коллективное раскаяние, и нашла благожелательный прием у Конвента. Казалось, решено отозвать представителей. Колло оправдывался долго, принимая перед Ассамблеей ответственность только за первый расстрел, объясняемый им чрезвычайными обстоятельствами. Но у якобинцев он взял на себя также и второй, и сумел вернуть себе милость клуба. Таким образом, он избежал всякого немедленного взятия под сомнение, поскольку вскоре после получил публичное одобрение лионских якобинцев, сторонников Шалье, неохотно отказывающихся от власти в городе.

5. Борьба с фракциями в Термидоре

Когда Колло возвратился в Париж, борьба между теми, кого традиционно называют фракциями, уже началась. В ответ на атаки дантонистов и особенно Филиппо

Ронсен был отозван в Париж и заключен в тюрьму. Колло выступил в его защиту, без сомнения, из солидарности и, возможно, из осторожности, когда Ронсен также был задет по лионскому делу. Он неистово атаковал Филиппо, как и Дюфурни, и, казалось, ориентировался на сближение с эбертистами против «снисходительных». Но события вантоза заставили его отступить. Освобожденный Ронсен толкал кордельеров к насильственным действиям: 14 вантоза он открыто требовал восстания, при поддержке Карье и Эбера, заставивших повесить черным изображение Декларации прав. Через день Колло разоблачил это у якобинцев. Его речь была резкой, суровой и угрожающей, он даже упомянул «интриганов», которые обманывали Общество кордельеров, и напомнил о судьбе Жака Ру, который был разгромлен при его участии предыдущим летом. Все же он попытался предпринять ход для успокоения, возглавив делегацию якобинцев к кордельерам и советуя уладить дело. Ронсен и Эбер принесли публичное покаяние, но лишь для того, чтобы тотчас повернуть в другую сторону. Когда Комитет общественного спасения решил поразить эбертистов, Колло не протестовал, по крайней мере согласно доступным источникам.***** В отношении ликвидации «снисходительных» он даже положительно был настроен, напомнив в этом случае о необходимости единства Конвента и революционного правительства.

До июля 94-го Колло, кажется, оставался близким к робеспьеристам. Он полностью поддерживал, вместе с Кутонем, обуздание секций весной, положительно относился и к празднику Верховного существа и не отрекся от Робеспьера при принятии прериальского закона. Эволюция, заставившая его «бросить» неподкупного 9 термидора и перейти в лагерь его врагов, кажется неожиданной и плохо объяснимой. Она различно интерпретируется историками, часто на ошибочных основаниях, как, например, то, что Колло был близок к эбертистам и желал за них отомстить, или что он был противником деизма робеспьеристов, неверующим дехристианизатором, как Вадье, и был ожесточен. Эти представления о нем неверны, как

как показал Мишель Бярд в его биографии. В настоящее время наиболее распространенное среди историков мнение видит причину разрыва Колло и Робеспьера в результате искреннего беспокойства первого: Колло опасался со стороны Неподкупного, в его растущей изоляции, своего исключения из правительства и Общества якобинцев, предвещавшего новые исключения, не попытки диктатуры, а чересчур явное желание очистить правительство, уничтожая «новые фракции», куда он мог опасаться быть включенным из-за лионских расстрелов. Хотя, вероятно, в глазах Робеспьера он никогда не был тем же, чем были проконсулы вроде Барраса и Тальена, но это беспокойство, по-видимому, было правдоподобно. Атака Робеспьера на Фуше, с которым Колло себя чувствовал солидарным в лионских репрессиях, могла его встревожить, затем речь 8 термидора и главным образом ее последствия вечером у якобинцев в конечном счете заставили его резко переметнуться в лагерь врагов Робеспьера.

Гипотеза кажется правдоподобной. Наверняка робеспьеристы были изумлены маневром Колло, которого не ожидали, тогда как они сомневались, вероятно, в других членах Комитета, а именно в Карно и Бийо. Последние слова Кутона в Консьержери обличают непонятную «измену» их бывшего друга...

III. К о н е ц н е п р и м и р и м о г о

Возглавляя Конвент 9 термидора, Колло поддержал легенду о «Робеспьере-тиране» и приветствовал падение Неподкупного как спасения революционной родины. Но его скоро унесла волна термидорианской реакции, наступление которой он не видел: с 15 фрюктидора он оставил Комитет общественного спасения, но первый памфлет против него датирован уже через неделю: «Хвост Робеспьера, или Опасности свободы печати», опубликованный другом Тальена Меэ де Ла Тушем, называет его одним из опаснейших звеньев змеиного «хвоста» робеспьеристов. Тремя днями позже его разоблачает в Конвенте Лекуантр, вместе с шестью другими членами Комитетов. Инцидент не имел результата в ближайшем будущем, но когда Колло, начавший тревожиться упадком патриотизма и политического братства, недвусмысленно обнаружил свою приверженность якобинским идеалам, нападки разразились. Новый «Оратор народа» Фрерона, ставшего реакционным экстремистом, умножил обвинения против него, и уцелевшие дантонисты кинулись в сражение. Лежандр снова разоблачил Колло, одновременно с Бийо и Барером, и на сей раз добился, чтобы начались расследования против их действий. Памфлеты начали распространять черную легенду: публикуемых описаниях мы читаем «жестокий Колло, с глазами, налитыми кровью, диктует смертные приговоры. Там (в Лионе) после оргии он отдает приказ об избиении тысячи французов с тем же хладнокровием, что и приказ о приготовлении к балу или пиру». Лионские просители вернулись к решетке Ассамблеи, и на сей раз не боялись прямо задевать «каннибала Колло, который заставлял убивать тысячи граждан без суда». Происходили маленькие бунты, под их окнами выли, на улице его атаковала «золотая молодежь», начавшая охоту на якобинцев. Колло пытался защищаться, и делал это упорно. Он опубликовал сотню страниц обоснования, из которых 72 занимают «Необходимые разъяснения того, что произошло в Лионе». Часть ответственности он возлагал на Конвент, но не отрицал ничего из своих актов, даже ни самую малую из идей, которые защищал всегда. Последнее опубликованное кредо заслуживает быть процитированным, так как оно действительно отражает состояние духа в то время:

«Имейте смелость заявить, что те, кто пожертвовал собой, чтобы заставить исполнять суровые законы, чтобы спасти тысячи патриотов, находившихся под угрозой и проскрибированных, в свою очередь указаны для проскрипции и смерти неумолимой мезтью. Заявите искренне, что открытый и смелый сторонник равенства должен быть принесен в жертву новым планам. Именно в конце Революции мы все, мертвые или живые, будем осуждены, и этот конец будет, вопреки вам, демократической республикой, не сомневайтесь в этом».

Заявлениями такого рода Колло рисковал ухудшить свое положение... В итоге комиссия 21-го, назначенная Конвентом для расследования дел разоблаченных депутатов, завершила признанием законности обвинения. До процесса, имевшего место 2 жерминаля III года, Колло было предписано не выезжать, также, как и Бийо и Бареру. Дебаты были нарушены народными возмущениями жерминаля, сопровождаемыми требованиями «хлеба и Конституции 93-го»... Эти события привели Конвент к ужесточению идеологии, повлекшее за собой осуждение трех обвиняемых к немедленной депортации в Гвиану.

Отвезенный на Олерон, Колло был отправлен в Кайенну 7 пририала. Тем временем возмущение парижских секций Конвент пришел к тому, что необходимо внушить народу, что времена окончательно изменились и для примера отдать под суд трех ссыльных жерминаля. Но отправление кораблей имело место раньше, чем решение дошло до Олерона, и спасло жизнь Колло и Бийо (Барер убежал и не был сослан).*****

Для Колло отсрочка была непродолжительной. Заключение в коллеж Кайенны, превращенный в тюрьму, он умер через некоторое время от одной из лихорадок, опустошавших страну. Тем не менее, он имел время возобновить свою революционную деятельность, взбунтовав чернокожих благодаря соучастию кое-кого из местных властей, которых привлек на свою сторону, и убедив губернатора перераспределять земли между бывшими рабами, доведенными до нищеты... Смерть пресекла эту короткую попытку «революционно изменить Гвиану», показав неисчерпаемый революционный порыв человека 11 года. Несмотря ни на что, он сумел издали так напугать Конвент, что тот признал необходимым сменить всех местных служащих, на которых Колло смог оказать влияние.

Примечания К. Кавалье:

¹ Cette exclusion rend opaque tout un pan de sa vie privée. Si sa correspondance permet de savoir qu'il avait une compagne et des enfants, les dates du mariage et des naissances sont impossibles à établir, faute de documents d'état civil; les comédiens, excommuniés, n'avaient pas accès aux sacrements, mariage et baptême. – Это исключение делает непроницаемой целую грань его частной жизни. Если переписка позволяет узнать, что у него была жена и дети, то даты женитьбы и рождений детей установить невозможно за неимением актов гражданского состояния; актеру, отлученные от церкви, не имели доступа к таинствам брака и крещения.

² Père Duchesne n° 22.

³ Intitulées, dans l'ordre: De la Constitution, De la Nation, De la Loi, Du Roi, De la propriété, De la Religion, Des Contributions publiques, Des Tribunaux, De la Force armée, Des Droits de chaque citoyen et de ses devoirs; De la Prospérité publique, Du Bonheur domestique. – Оглавление по порядку: Конституция, Нация, Закон, Король, Собственность, Религия, Общественные взносы, Суды, Вооруженные силы, Права каждого гражданина и его обязанности, Общественное благо, Семейное счастье.

⁴ M. BIARD «L'Almanach du Père Gérard, un exemple de diffusion des idées jacobines», *Annales Historiques de la Révolution Française*, janvier-mars 1999, p.19-29.

⁵ R. CURRET, «Lyon n'est plus: le décret et la réalité. Les démolitions de Lyon (1794-1795)» 1793, *l'année terrible à Lyon*, Lyon 1993, p.89-105. - «Лиона больше нет: декрет и действительность. Разрушения Лиона (1794-1795)». 1793, ужасный год в Лионе.

© Vive Liberta 2007

Примечания и комментарии переводчиков

* Иногда датой рождения Колло указывают 1750 год. Сведения о его родственниках и семье мы взяли из биографической заметки, составленной *Альфредом Бежи* (Memoires inedites et correspondance: curiosites revolutionnaires / Billaud-Varenne,... et Collot d'Herbois. accompagnes de Notices biographiques sur Billaud-Varenne et Collot-d'Herbois / par Alfred Begis,... Paris: librairie de la «Nouvelle revue», 1893. 465 p.; in-8).

Отец – **Габриель-Жак Колло**, мать – **Жанна-Агнес Аннен** (Happen), дочь главного пивовара Парижа. Они сочетались браком в 1746 г., сначала обитали на улице Арле-дю-Пале, затем – на улице Сен-Жак. Дела Колло шли все хуже и хуже, и Жанна-Агнес была вынуждена потребовать раздельного владения имуществом (5 ноября 1756 г.), для чего движимость была продана в судебном порядке. Нашему герою в то время нет еще десяти лет, младшему его брату – около трех лет. О Габриеле-Жаке ничего нам пока более не известно. Жанна-Агнес умерла 1 марта 1770 г.

Сестры и брат:

Элизабет-Шарлотта, 1750 г.р., вышла замуж за Мишеля Созье 23 июня 1796, умерла 13 октября 1799.

Жанна-Луиза, родилась 23 мая 1751, вышла замуж 26 марта 1778 за художника Северена Льенара. Они занимались мелкой торговлей бакалейными товарами в предместье Сент-Антуан. Льенар умер в 1814 г., Жанна-Луиза - 23 марта 1823 года в госпитале Сальпетриер.

Жак-Луи Колло, 1754 г.р. Из-за разорения семьи он не закончил учебу, 28 августа 1772 г. вступил в полк в Арраском гарнизоне, где служил несколько лет. Затем уехал к дяде, **Франсуа-Этьену Колло**, бывшему

часовщику, на Сан-Доминго; оба погибли во время восстания 1793. Спустя много лет (в 1832 г.) правительство Гаити выплатило семье Колло компенсацию приблизительно 60000 франков – вероятно, наследникам со стороны дяди, потому что из детей Габриеля-Жака никто до этого не дожил.

Бежи добавляет, что Колло часто ссорился с матерью, учился отменно скверно, но очень любил читать и рано приобщился к книгам философов-просветителей, которые ему давал сосед. Может быть, и так, но на веру принимать рассказ Бежи не стоит, поскольку в общем и целом он выстроен полностью в русле антиисторической черной легенды.

Жена Колло – **Анна-Катрин-Жозефина Катуар или Катре (у Бежи – Catoir, в списках, составленных по данным Трибунала, - Catrais)**, родившаяся в Брюсселе 23 декабря 1759 года.

Мы не располагаем, к сожалению, текстом диссертации Бярда, вслед за которым Кавалье говорит: «Если переписка *позволяет узнать, что у него была жена и дети*, то даты женитьбы и рождений детей установить невозможно за неимением актов гражданского состояния». А Бежи цитирует «Защиту...» Колло, из которой следует, что Колло и его жену «не оставляла уже три года» некая женщина с «двумя или тремя детьми», «верная подруга» Катрин Колло. Кто была эта женщина с детьми – родственница? Почему сложилась такая семья? Неясно.

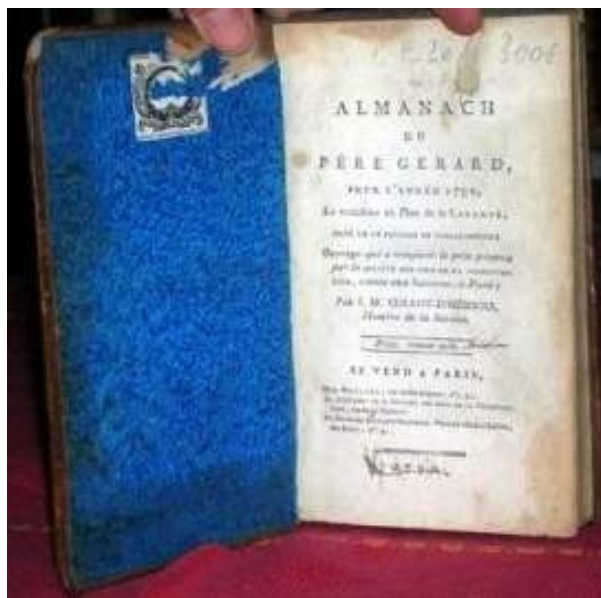
При этом свой очерк Бежи завершает такой справкой: жена Колло, оставшаяся в Париже, вначале действовала вместе с женой Бийо, добиваясь пенсии, полагающейся ее мужу как народному представителю и разрешения следовать за ним в Кайенну (о том, как они боролись с бюрократами и чем это кончилось, мы постараемся рассказать в очерке о Бийо, используя письма Анжелики и родителей Бийо); когда этот проект оказался неосуществим, она продолжала жить в Париже, очень быстро исчерпала ресурсы, оставленные ей мужем, но сумела получить от правительства скромную пенсию, чтобы поддерживать существование; умерла 17 мая 1810 г., без *потомства*. Таким образом, и вопрос о детях остается открытым.

** В Шайо Колло и Катрин арендовали маленький дом, благодаря небольшому наследству, полученному Катрин от бельгийских родственников, и сбережениям Колло. В Париже они занимали квартиру на улице Фавар (ныне 15-й округ), № 4, в третьем или четвертом этаже. После покушения Амираля в июне 1794 г. Колло перебрался на улицу Конвента (существует поныне, 2-й округ), № 375.

*** Согласно библиографической заметке Ги Лемаршана (Guy Lemarchand, «L'Almanach du Père Gérard de J.-M. Collot d'Herbois (1791)», in *Annales historiques de la Révolution française*, Numéro 341, [En ligne], mis en ligne le : 27 avril 2006. URL: <http://ahrf.revues.org/document2229.html>. Consulté le 9 avril 2007) «Альманах отца Жерара» переиздан совсем недавно (Gwennole Le Menn, éd., Saint-Brieuc, Skol, 2003, 518 p.). В издание включен французский текст – 12 диалогов, по числу календарных месяцев, два перевода на бретонский язык, предисловие и комментарии Мишеля Бярда, гравюры 1792 года.

В 1792 г., отмечает Лемаршан, помимо переводов на бретонский, были сделаны переводы на провансальский диалект, на фламандский, немецкий и английский языки.

Итак, крестьянский депутат в Генеральные штаты, отец Жерар в 1791 году возвращается в деревню, встречается и беседует с местными жителями, отвечает на их вопросы.

Первая беседа посвящена тому, что же есть Конституция. Отец Жерар подчеркивает новизну этого учреждения относительно Старого порядка, и говорит, что Конституция находится под защитой бога.

Во второй беседе развивается, начиная с принципов декларации прав человека, идея нации и национального суверенитета, и уделено важное значение выборам администрации на всех уровнях.

В третьей беседе анализируется понятие закона как данности, которой подчинены все и каждый, каков бы ни был его ранг, поскольку закон есть следствие общей воли (это вытекает из классической концепции руссоизма). Национальное собрание – орган, который создает закон как представитель нации в целом; в этом качестве собрание имеет обширные полномочия, и его члены неприкосновенны.

Четвертая беседа – о короле. Его можно, конечно, расценивать как «восстановителя свободы», но прежде всего таковым был народ. Король является более не монархом, окруженным раболепными придворными и интересантами, но гражданином, наделенным для исполнения своей миссии неприкосновенностью и назначенным народом. «Вето» должно позволить отложить опасные законы, и оно лишь отлагательное.

В пятой беседе речь идет главным образом о собственности земельной. Она защищена законом и имеет общественную пользу. Ей угрожают только бездельники и «лентяи».

В шестой беседе отстаивается веротерпимость, в частности, по отношению к протестантам; католические священники-фанатики, которые этому принципу не подчиняются, вызывают среди граждан опасные раздоры.

Седьмая беседа разъясняет, для чего нужны налоги и по какому принципу они формируются (соразмерно с доходами каждого).

В восьмой беседе новая система судопроизводства (выборность и независимость судей) представлена как гарантия справедливости и невозможности произвола.

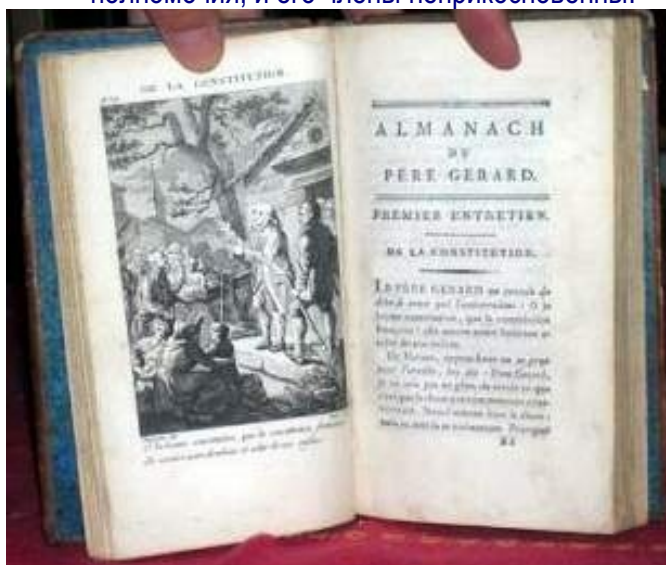
Девятая беседа доказывает необходимость как армии и флота для защиты Отечества, так и Национальной гвардии, которую нужно отличать от прежней милиции и которая является резервом патриотизма.

В десятой беседе отец Жерар называет среди прав граждан равенство, уничтожающее предубеждения и предрассудки, такие как мезальянс, семейная уголовная ответственность и др.

Общественное благополучие – об этом беседа одиннадцатая – зиждется на доверии подчиненных к правительству, которое гарантирует, в частности, ценность бумажных денег.

Двенадцатая беседа посвящена семье. Счастье основано скорее на необходимом, чем на излишествах (линия физиократов). Отец Жерар пропагандирует светскую мораль умеренности и ставит на первый план семью, где женщина выполняет свои задачи, но исключается из общественной жизни.

Тон альманаха «нравоучительный и сентенциозный», отмечает Лемаршан, и пишет далее: «Сегодня, спустя два века, в этом стиле пытаются видеть обычный способ банального политиканского лицемерия. В действительности он – продукт желания укоренить Революцию в самой глубинке, и не может обойтись без

педагогической нагрузки; речь идет о том, чтобы преподавать совершенно новую и при том незавершенную демократию. И он выражает революционную щедрую утопию. Колло, как и другие якобинцы, в 1791-м еще скорее человек 89-го, чем 93-го... В политических взглядах проявляется большая умеренность... И все-таки Жерар обнаруживает некоторые колебания в отношении нового порядка: по поводу избирательного ценза, наследственности монархии; он беспокоится о происках “злых людей”, эмигрировавшими в Германию, угрожающих армиями,. Таким образом, этот документ, почти забытый после переиздания 1831 года, показывает, что **Революция – прежде всего динамика, а не продукт профессиональных революционеров**».

**** В августе 1790 г. в гарнизоне г.Нанси, состоявшем из трех полков, двух французских и одного швейцарского, произошло восстание; поводом послужило систематическое воровство среди офицеров и невыплата солдатам жалованья. Национальное собрание издало против мятежных солдат суровый декрет. Французские полки почти полностью капитулировали. Швейцарцы оказали сопротивление национальной гвардии во главе с генералом Буйе. После подавления мятежа 42 солдата были повешены, 41 из оставшихся в живых сосланы на галеры. После принятия королем конституции и объявления амнистии (15 сентября 1791 г.) якобинцы добились освобождения в феврале 1792 г. швейцарских солдат (при этом большим стимулом служило то, что они не выступили против народа в день взятия Бастилии). 15 апреля швейцарские солдаты с триумфом вошли в Париж. При этом исполнялось торжественное песнопение на слова Мари-Жозефа Шенье. Тем временем Андре Шенье, протестуя против устройства этого праздника, опубликовал в конце марта и начале апреля ряд статей и писем в Приложении к «Журналь де Пари» и в самой газете, в том числе «Мой ответ Колло-д'Эрбуа». Первый из ямбов («Гимн на торжественное вступление швейцарцев полка Шатовье») можно прочитать у нас: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/Chenier/poese.htm#YA_I.

Любопытный читатель может заглянуть в книгу «Нанси», в широко доступной «Истории Французской революции» г-на Томаса Карлейля - автора, на наш взгляд, более добросовестного и честного, чем большинство его соотечественников, да и французов-противников ВФР.

Словом, привычное верхоглядство, которое демонстрирует Андре Шенье, а за ним уже третий век прочие господа, здесь не поможет, в истории мятежа в Нанси надо разбираться детально, учитывая все нюансы проблемы, социальные, экономические, психологические, в том числе непростительные ошибки инспектора Мальсеня и генерала Буйе.

***** Лионские социально-экономические коллизии не имели аналогов в той ситуации. Здесь не будет неуместным опираться на формационную теорию Карла Маркса: в Лионе вызрели новые для аграрной Франции классовые отношения и противоречия, для адекватного разрешения которых не было и не могло быть опыта и инструментария ни у «шальеристов», ни у Конвента и его комиссаров. См. также работу В.Марковой «Народное движение в Лионе», http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion.htm.

***** «Протесты и обвинения, написанные Ронсеном, также циркулировали по городу во время его заключения. Несмотря на его усилия, уже 30 декабря (20 декабря 1793 года) в Конвент была представлена петиция с требованием остановить наказание Лиона. Хотя этот документ и был направлен против Ронсена, в нем косвенно ставились под удар Колло д'Эрбуа и Жозеф Фуше, представители в миссии, отвечавшие за подавление мятежа. Зная, чем была вызвана эта петиция, Колло отправился в Париж 16 декабря. Через пять дней он выступил перед Конвентом, защищая Революционную армию и ее командующего Ронсена. В заключение он попросил одобрения Конвентом мер, принятых в Лионе, и расследования мотивов ареста Ронсена. Конвент согласился, и его депутаты аплодировали Колло. Таким образом, Конвент отверг все попытки заставить его «пожалеть» Лион, к чему призывала петиция.

По просьбе Эбера, Колло также рассказал якобинцам о своей миссии в Лион. Он вновь горячо защищал Ронсена, называя его «твердым другом свободы... настоящим и выдающимся якобинцем», который внушил великий страх Вандее и Лиону. Затем он попросил членов Конвента еще раз продемонстрировать свое неизменное доверие к Ронсену, что присутствовавшие не замедлили сделать. Более того, он потребовал исключения Демулена, Бурдона (из Уазы), Филиппо и Фабр д'Эглантина. Краткий отчет о заседании был послан Ронсену и Венсану, а петиция об их освобождении была представлена в Конвент и ее полицейский комитет. На следующий день, 3 нивоза (23 декабря 1793 года), якобинцы направили делегацию в Конвент с целью добиться освобождения Ронсена и Венсана.

В то время как Эбер защищал арестованных в 326-й номере своей газеты (в этом номере он назвал Колло д'Эрбуа «гигантом»: «Появился гигант, и все карлики, очернявшие лучших патриотов, вернулись на 100 футов под землю». Колло выступал перед Комитетом общественного спасения, перед Конвентом и перед якобинцами, проклиная интриганов, которые хотели вооружить патриотов против друг друга, разделить Гору и призвать гадин Мараса. Патриоты вновь контролируют положение дел, убеждал Эбер своих читателей. Pere Duchesne. No 326.), секции тоже не испытывали колебаний, твердо настаивая на освобождении заключенных. Секция Кенз-Вен 26 декабря представила «резкую» петицию, требуя от якобинцев освобождения невиновных. Робеспьер быстро дезавуировал эту петицию как «работу Питта» (это был его излюбленный ярлык). Он заявил, что поскольку Конвент уже принял решение расследовать аресты, «справедливость» должна сама собой восторжествовать. Однако, несмотря на усилия Робеспьера спустить это дело на тормозах, агитация в секциях не прекращалась. Через два дня представитель Кенз-Вен предупредил Конвент, что санкюлоты предместья Сент-Антуан готовы маршировать против «предателей, глумящихся над санкюлотизмом, точно так же, как они маршировали против коронованного тирана 10 августа». На следующий день, 9 нивоса (29 декабря), делегация кордельеров обратилась к обоим комитетам, но не была принята.

<...> И якобинцы, и кордельеры жаждали единства всех патриотов, однако достичь этой цели было трудно, ибо якобинцы не хотели порывать с их умеренными союзниками. Кордельеры же, со своей стороны, были готовы репрессировать всех умеренных. Сами якобинцы не были едины в этом вопросе. И пока Робеспьер сотрудничал с Дантоном и Камиллом Демуленом, агитировавшими за политику милосердия, Колло д'Эрбуа осудил всех тех, кто думал, что такая политика может быть и революционной и в то же время «мирной и многосторонней». Эти люди, заявил он, являются «сторонниками фальшивой гуманности». Сам он считал необходимым арест подозреваемых, заверив всех, что Гора не сдастся. Колло также призвал к объединению патриотов, предлагая устроить фестиваль в честь этого объединения. Делегация от кордельеров, выступившая после него, устами своего представителя заявила, что якобинцы и кордельеры всегда будут едины и что они вновь разоблачат «врагов революции», которые разделяют их. Делегация затем под горячие аплодисменты присутствовавших дала клятву того, что кордельеры всегда будут якобинцами. Президент Якобинского клуба братски приветствовал делегацию, и все казались счастливы от того, что произошло.

<...> Интересно отметить, что Колло д'Эрбуа, похоже, вел сложную игру. Он возник как союзник кордельеров, бескомпромиссно атаковав умеренных. Но через несколько дней он же поведет якобинцев против эбертистов, выступив как глашатай центральных властей. Позиция кордельеров по отношению к революционному правительству и санкюлотам становилась все более уязвимой.»

См. монографию *М.Славина*, главу 3: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm.

***** Что касается Барера, в его судьбе принимали участие Камбасерес, Гара, Дюпен; с другой стороны, были желающие привлечь его к суду гораздо больше, чем Колло и Бийо; так что его не-отправка в Гвиану – результат личных взаимодействий и противодействий, которые никогда, по-видимому, до конца выяснены уже не будут. С Олерона его отправили в тюрьму в Сент (деп.Шаранты), оттуда он и бежал. Кто не дождался решений Конвента и пустился в бега, так это Вадье.

Колло, Бийо и Барера вывезли из Парижа в направлении Ла Рошель 13 жерминаля, в 8 часов утра. В крепость Олерона они были доставлены 21 жерминаля. Режим был строгим, им не разрешали встречаться, разговаривать с охраной, передавать и получать письма и даже прогуливаться на крепостном валу. 28 флореаля Конвент принял декрет об их депортации. Ответственность за отправку ссыльных возлагалась на **Клода Венсена Полони** (Polony), капитана-лейтенанта 1-го класса, и **Жана Амабля Леларжа** (Lelarge), на тот момент контр-адмирала и начальника порта Рошфора. Ссыльных поместили на двух авизо, небольших сторожевых кораблях: Бийо – на «Л'Экспедишён», Колло – на «Ле Серф» («Олень»). Полони и Леларж имели приказ: 1) изолировать ссыльных от любого контакта с экипажем, 2) в случае атаки английских фрегатов, курсировавших недалеко от французского берега, сбросить бывших комитетчиков в море; этот приказ Леларж огласил в присутствии Бийо. Авизо вышли 6 и 7 прериала, друг за другом, под конвоем дивизии, которой командовал контр-адмирал Тронлен.

Общий вид Кайенны в конце XVIII в.

По прибытии в Кайенну ссыльных поместили отдельно: Бийо – в форт, Колло – в коллеж, с 1789 года превращенный в тюрьму.

В это время губернатором Гвианы был **Франсуа-Мари Куант де Фийен** (Cointet de Fillain, 1766-1809). Похоже, что он испытывал неловкость, исполняя неоправданно суровый приказ. Коллеж-тюрьма находился на площади Кайенны, где Куант имел обыкновение прогуливаться по вечерам. Ему «неодолимо» захотелось увидеть человека, «с такой энергией защищавшего солдат Шатовье». Разговор с Колло, один, а за ним другие, дали Куанту представление о политической подоплеке осуждения ссыльных, и отныне он всеми силами старался смягчить их положение.

Центральная улица Кайенны в конце

XVIII в.

В лице своего коллеги, **Арно де Корио** (Arnaud de Corio), распорядителя финансов колонии, он обрел противника. Арно не замедлил донести вышестоящим чиновникам морского министерства:

«Граждане,

Я имел честь писать вам с капитаном «л'Экспедишён» Полони, что террористы, удаленные из Франции, получили убежище в Кайенне; то зло, которое только и делает, что увеличивается [Арно имеет в виду социально-политические волнения среди негров и среди французских солдат], может быть приписано лишь обоим ссыльным. Они нашли себе сторонников из унтер-офицеров 53-го полка. Эти противятся тому, чтобы петь «Пробуждение народа» [см. http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#song1 и http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_songs.htm#song14], предпочитая пародию, сделанную Колло. У меня из-за этого часто гложут уши; я разобрал эти четыре стиха:

Кинжалами мести
Они уничтожили свободу,
Они выслали из Франции
Мучеников равенства.

Бийо, который помещался в форте, уехал вчера в Синнамари; я не знаю, дадут ли Колло другое местонахождение; я этого желаю, его влияния надо больше опасаться, чем его товарища. Колло гибок, ловок и льстив; Бийо высокомерен и молчалив.

Я не без удивления вижу знаки уважения, оказываемые Колло. Он часто обедает у губернатора; ему позволяют посещения; в хорошую погоду ему доставляют удовольствие прогулки. Дежурный офицер его сопровождает, его сторонники окружают его. Я засвидетельствовал свое недоумение по этому поводу гражданину губернатору, его ответы заставили меня замолчать...»

Словом, в крохотной болотистой Гвиане мнения разделились. Куант, в свою очередь, пишет в Комиссию флота и колоний жалобы на большую часть морских офицеров, которыми командует Полони: они всерьез говорят о восстановлении рабства, королей и королевской власти, распространяют песни против революционеров.

Но в апреле 1796 года Куанта сменяет **Никола Жорж Жане-Уден** (Jeannet-Oudin, 1762-1828). Он уже занимал этот пост (с 14 апреля 1793 по ноябрь 1794), когда его отозвали во Францию. Очевидно, между Куантом и Жане несколько лет продолжалась личная и административная война. Жане немедленно аннулировал все те послабления режима ссыльных, которые санкционировал Куант.

Именно в это время Бийо заболевает вторично, а вместе с ним и Колло. Куант распорядился поместить их в кайеннский госпиталь, к «серым сестрам» Сен-Поль де Шартр, в зал для офицеров, то есть в самые лучшие из существующих условия. Жане потребовал удалить ссыльных в зал для каторжников (такого приказа он не имел и действовал по своей инициативе). К счастью, вместе с ним прибыл дивизионный генерал **Пьер Франсуа Ламбер Ламурё де Ла Женетье** (Lamoureux de la Gennetiere, 1740-1796), воевавший в Испании, долго находившийся там в заключении и выданный в конце концов Франции благодаря настойчивости Колло. Благодарный генерал предпринял все, чтобы жесткие меры Жане остались только на словах. За две недели до смерти Колло Женетье скоропостижно скончался, увы.

«Коварная лихорадка угнетала Колло; эта болезнь настигает обычно в этих широтах самых сильных людей, главным образом тех, кто не испытал никакого недомогания по прибытии, и искусство врачей почти всегда бессильно против нее». Лихорадка – симптом, а настоящее название болезни, причину лихорадки, диагностировать, видимо, трудно – тропики очень щедры на тяжелые инфекционные заболевания. Вероятней всего, Колло заболел одной из разновидностей малярии, инкубационный период которой длится около года, ничем себя не проявляя и «внезапно» принимая острую форму.

С в и д е т е л ь с т в о о к о н ч и н е

Сегодня, 20 пререаля IV года Французской республики, единой и неделимой, в 8 часов утра, я, Аннетт-Никола Шанбран, избранный муниципальным и общественным чиновником 12-го прошлого жерминаля для составления свидетельств о рождении, браках и кончинах граждан,

сообщаю, что в больнице сего города скончался гражданин Колло-д'Эрбуа, сосланный в эту колонию, 44 лет [неверно: Колло через 11 дней должно было исполниться 47 лет], родившийся в Париже, согласно заявлению Жермена, делопроизводителя;

удостоверено гражданином Жюзаном, начальником администрации ad hoc, за отсутствием гражданина Ришара, ответственного за инспекцию указанной больницы.

Настоящим составлено в городской ратуше Кайенны, департамент французской Гвианы, в Америке, дня, месяц а и года, что сверху.

Подписано: *Шанбран, общественный чиновник.*

Более подробно о ссылке Колло и Бийо – об отношениях с чиновниками, местным населением, об отношении к ним служащих, сестер милосердия и бывших рабов, - мы надеемся рассказать в очерке о Бийо-Варенне.

© Vive Liberta 2007

Сочинения и выступления Колло д'Эрбуа,

с которыми можно ознакомиться на сайте Национальной библиотеки Франции

Lucie, ou Les parents imprudens: drame en 5 actes et en prose... / par M.Collot d'Herbois. Bordeaux: Chappuis et Philippot, 1772. 136 p.; in-8

Люси, или Неосторожные родители: драма в 5-ти актах в прозе

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k85903b>

Le bon Angevin ou L'hommage du coeur: comédie en un acte / par M.Collot d'Herbois. Angers: C.Billauld, 1775. 81 p.

Добрый Анжевен, или Сердечная признательность: комедия в 1-м акте

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k859009>

[Représentation. Marseille, Théâtre. 1777-07-01]

Le nouveau Nostradamus, ou Les fetes provencales: comedie en un acte et en prose: melee de chants, de danses, et terminees par plusieurs divertissements, composee a l'occasion du passage de Monsieur, frere du Roi, a Marseille / par M.Collot d'Herbois. A Avignon: chez Bonnet freres, 1777. 26 p.; in-8

Новый Нострадамус, или провансальские праздники: комедия в 1-м акте в прозе, с пением и танцами, написанная по случаю приезда Месье, брата короля, в Марсель

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k107818z>

Le vrai genereux, ou Les bons mariages: petit drame villageois en un acte et en prose, mele de chants et suivi d'un divertissement... / par M. Collot d'Herbois... Paris: Ruault, 1777. 35 p.; in-8

Великодушная истина, или Выгодные браки: маленькая сельская драма в 1-м акте в прозе

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k85901n>

Le benefice: comedie proverbe en un acte et en prose / par M. Collot d'Herbois. Paris: Ruault, 1778. 20 p.

Барыш: комедия, построенная на пословице, в 1-м акте в прозе

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k859020>

La famille patriote ou La federation: pièce nationale, en deux actes et en prose; suivie d'un Divertissement / par M.Coelot-d'Herbois [sic]. 54 p.

Патриотическая семья, или Федерация: национальная пьеса в 2-х актах в прозе, следующая за дивертисментом

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k48237m>

Le paysan magistrat: comedie en cinq actes et en prose / par M.Collot d'Herbois. 7-96 p.

Крестьянин-судья: комедия в пяти актах в прозе

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k48238z>

Le proces de Socrate, ou Le regime des anciens temps: comedie en trois actes et en prose... / par J.M.Collot, (ci-devant d'Herbois),... VII-66 p.

Процесс Сократа, или Порядок минувших времен: комедия в 3-х актах в прозе

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k482399>

Almanach du pere Gerard, pour l'annee 1792: ouvrage qui a remporte le prix propose par la Societe des amis de la Constitution, seante aux jacobins a Paris / par J.M.Collot-d'Herbois. 84 p.

Альманах отца Жерара за 1792 год: сочинение, получившее премию, учрежденную Обществом друзей Конституции, заседающим у якобинцев в Париже

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k48793g>

Quelques idees sur les fêtes décadaires qui peuvent etre appliquees a tous projets imprimés jusqu'a ce jour 30 nivose / imprimees par ordre de la Convention nationale; [rapporte par J.M.Collot]. 7 p.

Некоторые мысли о праздниках, декади, которые могут быть применены к любым проектам, напечатанным до этого дня, 30 нивоа. Напечатано по распоряжению Национального конвента

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k48579c>

Nouvelle methode d'enseigner l'ABC et a epeller aux enfans en les amusant par des figures agreables et propres a leur faire faire des progres dans la lecture / [signe: Collot-d'Herbois,... Durand-Maillane, Ducos... [et al.]]. 51 p.: ill.

Новый метод учить детей азбуке и чтению по складам, развлекая их рисунками приятными и побуждающими добиваться успехов в чтении / подписано Колло-д'Эрбуа, ... Дюран-Майяном, Дюко и др.

Discours de M. Collot-D'Herbois: defenseur officieux des soldats de Chateaufieux: prononce le lundi 9 avril 1792 / imprime sur ordre de l'Assemblée nationale. 2 p.

Речь г-на Колло-д'Эрбуа: официозная защита солдат Шатовьё, произнесена в понедельник, 9 апреля 1792. Напечатана по распоряжению Национального собрания

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k48633b>

Proclamation des commissaires de la Convention nationale, du 31 decembre 1792 l'an premier de la Republique francaise, aux citoyens du pays de Nice / La Source, Goupilleau et Collot-d'Herbois. 1 p.

Прокламация комиссаров Национального конвента, от 31 декабря 1792, первого года французской Республики, гражданам края Ниццы / Ла Сурс [обычно пишется Ласурс], Гупийо и Колло-д'Эрбуа

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k44345j>

Proclamation des citoyens deputes commissaires de la Convention nationale, dans les departements de la Nievre et du Loiret, du 13 avril 1793 / [par M.Collot-d'Herbois]. 6 p.

Прокламация делегированных граждан, комиссаров Национального конвента, в департаментах Ниевры и Луары, от 13 апреля 1793 года

<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k447627>

Rapport et projet de decret, fait au nom du Comite de salut public, sur les secours, indemnities et pensions a repartir aux defenseurs de la patrie et a leurs familles / par Collot-d'Herbois; [à la] Convention nationale. 20 p.

Доклад и проект декрета, сделанный от имени Комитета общественного спасения, о помощи, вознаграждениях и пенсиях, которые следует распределять защитникам родины и их семьям
<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k431223>

Rapport fait au nom du Comite de salut public, liquidation et secours, reunis, sur les pensions, indemnities et secours a payer aux familles des defenseurs de la patrie: seance du 14 prairial / par Collot-d'Herbois; [à la] Convention nationale. 19 p.

Доклад, сделанный от имени Комитета общественного спасения, расчеты и помощь, объединенные, о пенсиях, вознаграждениях и пособиях, которую следует выплачивать семьям защитников родины: заседание 14 прериала
<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k43121r>

Rapport fait au nom du comite de salut public, sur la situation de Commune-Affranchie: le premier nivose / par J.M.Collot-D'herbois; impr. par ordre de la Convention nationale. 20 p.

Доклад от имени Комитета общественного спасения о положении в Вилль-Афранш: 1-го нивоza
<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k41510q>

Eclairissemens necessaires sur ce qui s'est passe a Lyon (alors Commune-Affranchie), l'année derniere, pour faire suite aux rapports des representans du peuple, envoyes vers cette commune, avant, pendant et apres le siege / donnees par J.M.Collot,...; impr. par ordre de la Convention nationale. 72 p.

Необходимые разъяснения о том, что произошло в Лионе (тогда Вилль-Афранш), в прошедшем году, для связи с докладами представителей народа, отправленных в этот район до, во время и после осады
<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k41530b>

Suite aux eclaireissemens necessaires, etc. / [J.M.Collot,...]; impr. par ordre de la Convention nationale. 4 p.

Продолжение Необходимых разъяснений, и т.д. / Ж.-М.Колло; напечатано по распоряжению Национального конвента
<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k41531p>

Seconde suite aux eclaireissemens necessaires, etc. / donnees par J.M.Collot,...; impr. par ordre de la Convention nationale. 8 p.

Второе продолжение Необходимых разъяснений, и т.д. / данные Ж.-М.Колло; напечатано по распоряжению Национального конвента
<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k415321>